

Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ.

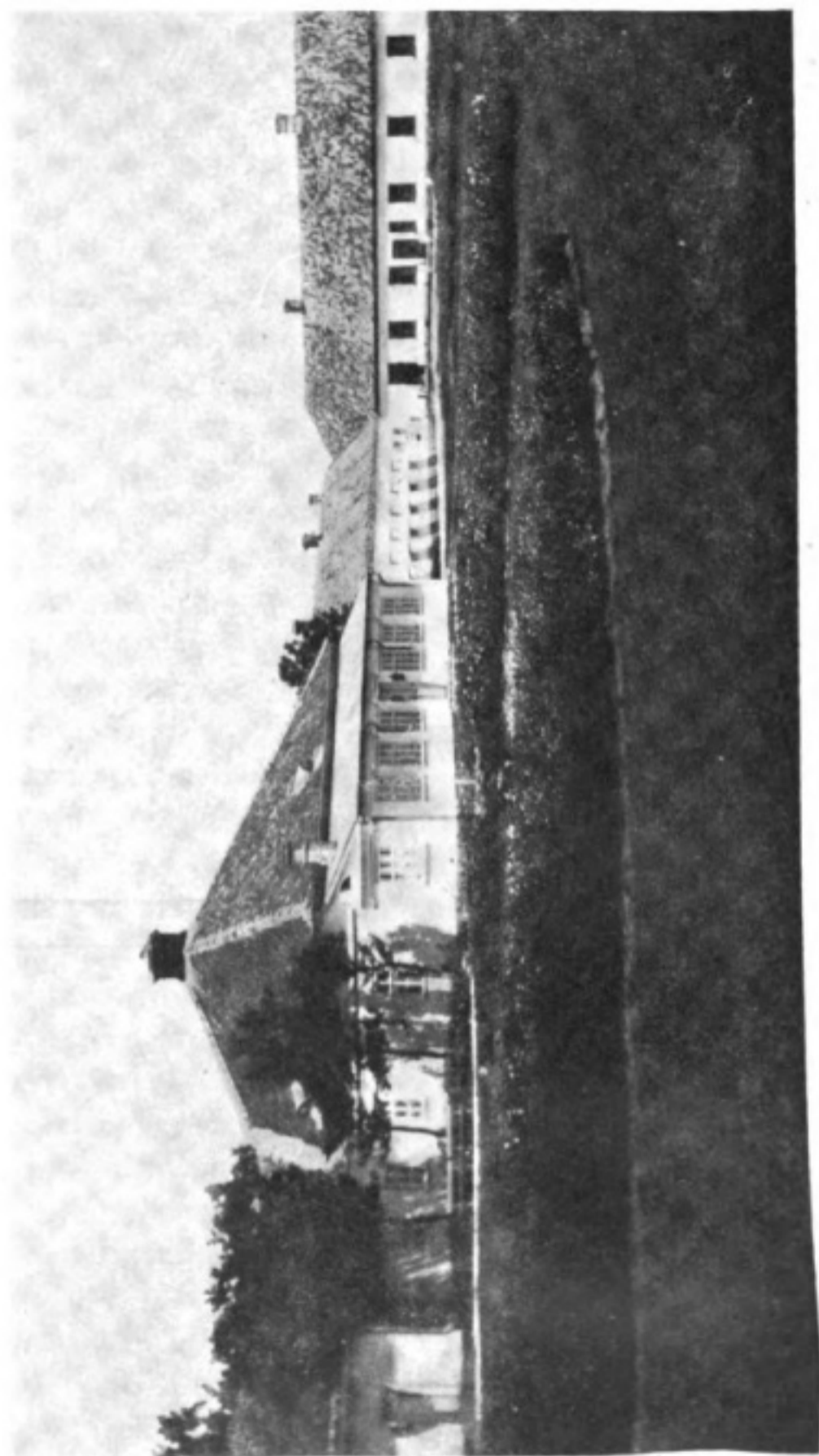
Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи ¹⁾.

Овцеводство на западѣ.—Стремленіе Ангальтъ-Кетена въ южно-русскія степи.—Перевиска съ петербургскимъ правительствомъ.—Пріѣздъ въ Россію ангальтскихъ чиновниковъ Альберта и фонъ-Бера.—Осмотръ Таврическихъ степей и выборъ участка...—Условія, на которыхъ Ангальтъ-Кетенъ основывалъ колонію.—Общая характеристика природы Асканія-Нова.—Первые годы хозяйства.—Три транспорта испанскихъ мериносовъ.—Возведеніе жилыхъ построекъ.—Смерть герцога Фердинанда и упадокъ колоніи.—Ревизіи...—Новый управляющій добивается уступокъ правительства.—Раскрытіе вторичнаго злоупотребленія, запутанность казны и продажа Асканія-Нова землевладѣльцу Фейну.

По окончаніи испанской войны за престолонаслѣдіе и отмѣнѣ запрещенія вывоза испанскихъ мериносовъ, во всей Европѣ, въ особенности въ Германіи, стало сильно развиваться овцеводство. Саксонія первая начала ввозить къ себѣ мериносовъ съ 1765 года; ея примѣру скоро послѣдовали всѣ сосѣднія государства, и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія по всему западу успѣшно процвѣтало овцеводство...

Въ Ангальтѣ также съ большимъ усердіемъ стали заниматься улучшеніемъ породъ овецъ. Въ однихъ герцогскихъ имѣніяхъ держали свыше ста тысячъ головъ мериносовъ, какъ

¹⁾ Основаніемъ для этой статьи послужили цѣнные матеріалы, любезно предоставленные въ наше распоряженіе современнымъ владѣльцемъ Асканія-Нова, Ф. Э. Фальцъ-Фейномъ, устроителемъ въ своемъ имѣніи извѣстнаго зоопарка.

Домъ Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Асканія-Нова, Центральная часть—построенная
Ангалтъ-Кетенской администраціей.

негретской, такъ и эскориальной породъ, и Англія, самая производительная страна, получала шерсть главнымъ образомъ изъ Ангальта. Чтобы получить еще большую выгоду отъ овцеводства, Ангальту нужно было найти новые рынки сбыта продуктовъ мериносовъ. При этомъ главное вниманіе было обращено на Россію, съ ея огромными степями, въ высшей степени подходящими для разведенія овецъ. Вспоминались родственныя связи между царствующими домами, а слѣдовательно, представлялось нѣкоторое благоволеніе со стороны Россіи.

Русское правительство уже давно обратило вниманіе на разведеніе овецъ въ большихъ степныхъ пространствахъ страны. Оно стремилось главнымъ образомъ къ разведенію благородныхъ породъ, съ тонкимъ руномъ, дающимъ хорошій ходъ. При этомъ, какъ всегда, Россія принуждена была обратиться къ иностранцамъ, въ частности къ германцамъ, къ Дрезденскому правительству, съ просьбой вывезти изъ Саксоніи въ южныя степи мериносовъ для улучшенія собственнаго овцеводства.

Какъ только въ Ангальтѣ стало извѣстно объ этомъ намѣреніи Россіи, тотчасъ же рѣшено было опередить Саксонію и самимъ вступить въ переговоры съ Россіей, относительно доставки улучшенныхъ породъ овецъ. Съ этимъ былъ связанъ дальнѣйшій планъ—имѣть Россію выгоднымъ рынкомъ для постоянной поставки овецъ. Съ этою цѣлью Ангальтъ желалъ основать въ Россіи свою собственную колонію, въ которой занимались бы преимущественно овцеводствомъ, въ связи съ развитіемъ и другихъ выгодныхъ промысловъ. Населенная ангальтскими подданными колонія, подъ руководствомъ опытнаго агронома, могла бы быстро развиться и приносить большіе доходы. Къ финансовымъ соображеніямъ присоединялись и политическія: Ангальтъ надѣялся посредствомъ основанія колоніи войти въ болѣе близкія дружественныя сношенія съ русскимъ Царствующимъ Домомъ и въ случаѣ надобности получить поддержку со стороны могущественнаго русскаго государства.

Въ 1826 году, главный управляющій имѣніями герцога Ангальтъ-Кетенскаго, г-нъ Альбертъ, обратился къ русскому агенту въ Лейпцигѣ, статскому совѣтнику фонъ-Фрейгангу съ письмомъ, въ которомъ подробно изложилъ свою идею относительно основанія ангальтской колоніи въ южной Россіи. Указавъ на то, какъ образцово поставлено овцеводство въ Ангальтъ-Кетенѣ, г-нъ Альбертъ объяснилъ русскому агенту всю пользу, которую Русское государство можетъ получить отъ

разведенія племянныхъ овецъ, и просилъ его внести этотъ проектъ на обсужденіе русскаго правительства. Заручившись черезъ посредство Фрейганга сочувствіемъ министра финансовъ Канкринна, лица очень вліятельнаго въ Россіи, герцогъ Ангальтъ - Кетенскій рѣшился въ 1827-омъ году послать письмо Императору Николаю I, въ которомъ обращался съ просьбой обратить его планъ... „...de faire à Votre Majesté la proposition formelle, d'établir dans le midi de Votre empire une petite colonie de mes sujets, dont le soin principal serait la dite culture des moutons de race pure et leur propagation dans les vastes états de Votre Majesté...“¹⁾.

Императоръ отвѣтилъ чрезвычайно благосклонно, что планъ возбудилъ въ немъ живой интересъ, и что онъ поручилъ министру финансовъ детально разсмотрѣть его.

Когда наконецъ вопросъ при Русскомъ Дворѣ окончательно вырѣшился въ пользу предложенія герцога, оба правительства стали вести переговоры о необходимости назначить особую комиссію, которая могла бы выбрать подходящую для основанія колоніи мѣстность, и затѣмъ отправиться въ Петербургъ для окончанія дѣла.

Спустя нѣкоторое время, герцогъ Ангальтскій получилъ извѣщеніе, что Императоръ послалъ въ Брестъ-Литовскъ г-на фонъ-Юнга, который, въ качествѣ русскаго эмиссара, долженъ былъ ожидать въ означенномъ городѣ герцогскихъ уполномоченныхъ, чтобы затѣмъ показать имъ казенныя земли, пригодныя для разведенія овецъ.

Найти подходящую для будущей колоніи землю и затѣмъ приобрѣсти таковую на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, было главной задачей предпріятія, и все зависѣло, какъ отъ сельско-хозяйственныхъ, такъ и отъ политическихъ способностей и ловкости комиссаровъ. Потому герцогъ и ввѣрилъ эту миссію главному управляющему своихъ имѣній—Альберту, и фонъ-Беру—знатоку финансоваго дѣла и извѣстному дипломату.

Въ сентябрѣ 1827-го года вышеназванные уполномоченные прибыли въ Россію, и, въ сопровожденіи русскаго эмиссара, прослѣдовали черезъ Брестъ-Литовскъ въ Житомиръ, откуда совершили нѣсколько поѣздокъ по южнымъ окраинамъ Россіи. Посѣтивъ между прочимъ Одессу, которая тогда была главнымъ рынкомъ для сбыта шерсти и имѣла постоянныя сноше-

¹⁾ „...Формально предложить Вашему Величеству основать на югѣ Вашего государства маленькую колонію моихъ подданныхъ, главная забота которой будетъ культура чистокровныхъ овецъ и ихъ распространіе“.

нія съ Херсонью, Крымомъ и всей Тавридой, комиссары тотчасъ уяснили себѣ значеніе этого города, какъ портоваго центра, и увидѣли необходимость обосноваться гдѣ-нибудь поблизости, въ имѣніи, располагающемъ наиболѣе удобными путями сообщенія съ Одессой. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ ихъ наконецъ палъ на мѣстность, которая значилась на картѣ генеральнаго межеванія подъ именемъ „Степь № 71“; она во всѣхъ межеваніяхъ соотвѣтствовала ихъ требованіямъ и желаніямъ... Вблизи находился Перекопъ, обѣщавшій дешево доставлять камни, немного дальше—Раковка на Диѣпрѣ, также сулившая дешевый лѣсъ.

Комиссары скоро и окончательно высказались за эту мѣстность; смущалъ ихъ лишь размѣръ участка, такъ какъ онъ значительно превосходилъ таковой, имѣвшійся въ виду русскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе они надѣялись придти къ соглашенію въ Петербургѣ, объявивъ эту мѣстность единственно подходящей для своихъ цѣлей.

Послѣ посѣщенія сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ на Молочной рѣкѣ комиссары отправились въ дальнѣйшее путешествіе черезъ Харьковскую, Орловскую и Тульскую губернію, и черезъ Москву, и въ концѣ октября пріѣхали въ Петербургъ, сдѣлавъ свыше четырехъ тысячъ верстъ пути...

Посланниковъ герцога Ангальтскаго вездѣ встрѣчали самымъ любезнымъ образомъ. „Весь Петербургъ говоритъ уже о нашей миссіи, которой придаютъ большое значеніе и которую считаютъ болѣе интересной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности“, писалъ въ это время Беръ. Вліятельные люди, какъ графъ Нессельроде и князь Голицынъ, быстро заинтересовались всѣмъ этимъ дѣломъ.

Между тѣмъ время бѣжало; цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ многочисленныхъ конференціяхъ для разработки отдѣльных пунктовъ плана, который долженъ былъ быть доложенъ Императору, но ни къ какому окончательному результату члены конференціи не пришли. Комиссары не знали, какъ быть: герцогъ Ангальтскій присылалъ повелѣніе за повелѣніемъ—скорѣе добиться намѣченной цѣли, Петербургъ же тянулъ и медлилъ рѣшеніемъ... Казалось, дѣло дошло до мертвой точки. Тогда хитрый Беръ, на свой личный страхъ и рискъ, измѣнилъ первоначальную редакцію инструкціи и составленный имъ, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ, контрактъ, былъ доложенъ Императору. Въ день русскаго новаго года, 13-го января, состоялось окончательное рѣшеніе этого дѣла. „Вѣроятно, ми-

нистръ финансовъ вамъ уже сказалъ, что я одобряю ваше дѣло. Я его считаю законченнымъ“, — таковы были первыя слова, сказанныя Императоромъ въ аудіенціи ангальтинцу.

Формальное окончаніе предпринятыхъ переговоровъ было теперь лишь вопросомъ времени, хотя подписаніе договора еще затянулось изъ-за продолжительной болѣзни министра финансовъ. Третьяго марта былъ изданъ указъ относительно молодой колоніи, а двадцать второго — Беръ уже сообщилъ домой о полномъ окончаніи своей миссіи по пунктамъ:

1) Императоръ Всероссійскій даетъ разрѣшеніе на устройство колоніи въ Таврической губерніи, которую герцогъ Ангальтскій предлагаетъ учредить изъ своихъ подданныхъ.

2) Подъ сіе поселеніе назначаются въ Таврической губерніи избранные герцогскими депутатами свободные участки земли:

а) участокъ № 71, въ 42.345 десятинъ удобной и неудобной земли...

б) по уваженію сухого качества сего участка отрѣзать до 6.000 десятинъ изъ участка № 47, на берегу Чернаго моря...

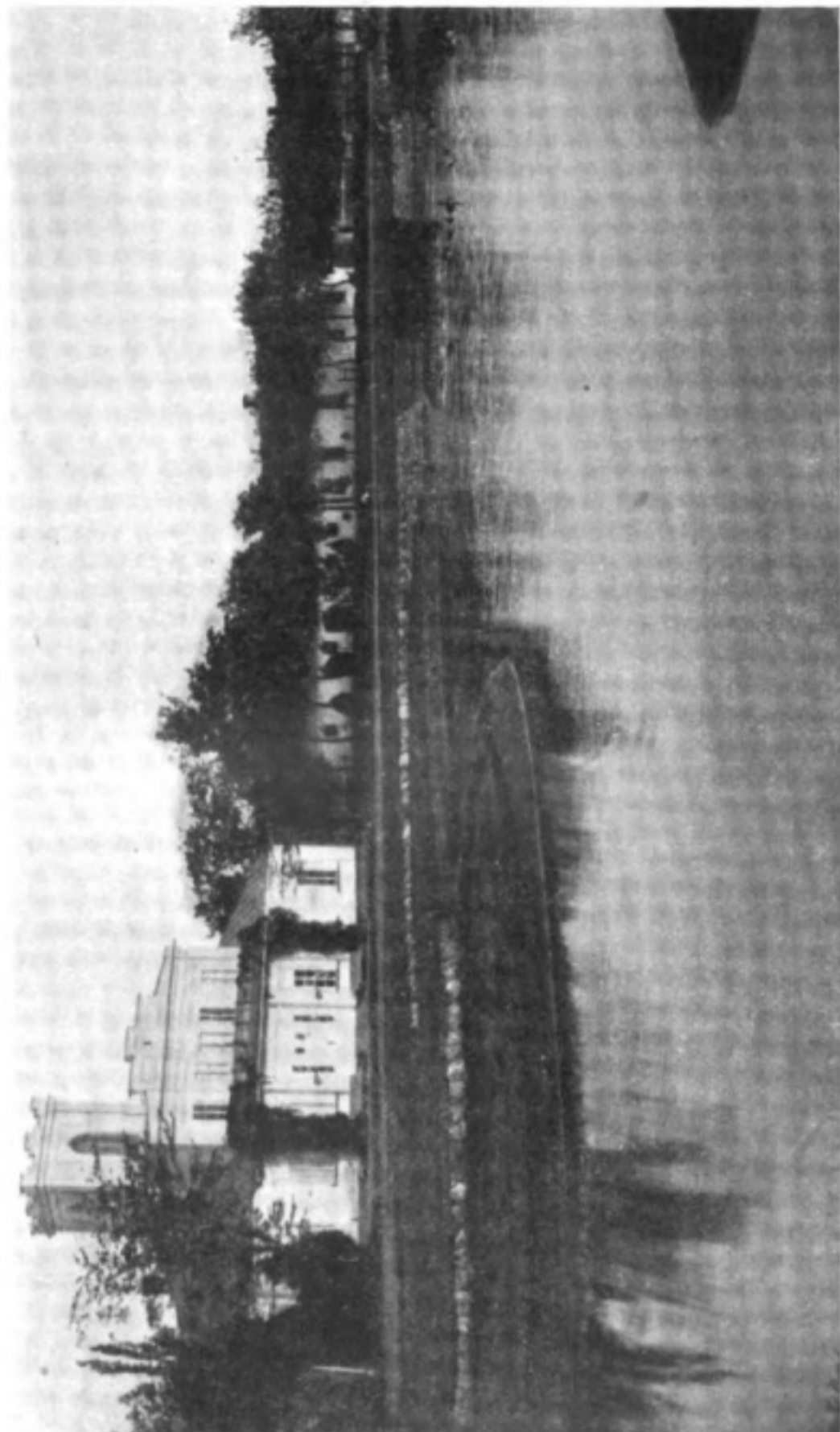
3) Оба сіи участка земли отдаются герцогу Ангальт-Кетенскому въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ правомъ пользованія всѣмъ тѣмъ, что находится на поверхности сей земли и въ нѣдрахъ оной, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

а) на сихъ участкахъ земли не могутъ быть поселены крѣпостные крестьяне, также не могутъ быть куплены, по причинѣ владѣнія симъ поселеніемъ, другія населенныя имѣнія; но покупка земли для присоединенія къ колоніи, на общемъ основаніи, дозволяется; для работъ же въ поселеніи могутъ быть употреблены вольнонаемные люди.

б) поселеніе сіе можетъ переходить по наслѣдству, завѣщанію, купчей, или инымъ законнымъ способомъ, безъ раздробленія; но кромѣ фамиліи герцога, оно можетъ переходить только къ такимъ лицамъ, кои имѣютъ право владѣть имѣніями въ Россіи, съ сохраненіемъ права поселенцевъ.

в) поселеніе сіе возвращается въ собственность казны, если въ ономъ, по истеченіи десяти лѣтъ, не будетъ находиться по меньшей мѣрѣ двадцать тысячъ овецъ улучшенной породы, съ потребнымъ количествомъ семействъ для содержанія сихъ животныхъ.

4) По истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ, начиная оныя съ перваго января 1830 года, платитъ казнѣ ежегодной повинности за каждую десятину, съ 42,345, по 8 коп. сере-

Аксація-Нова. Домъ гдѣ жилъ инспекторъ администраціи Ангальтъ-Кетенской колоніи.

бромъ, а съ 6.000 десятинъ приморской земли по 15 коп. серебромъ.

5) Колонисты освобождены отъ рекрутской повинности и т. п.

6) Церкви и школы должны быть устроены на счетъ герцога, который опредѣляетъ и служащихъ при нихъ.

7) Выкурка и варка пива свободно могутъ быть производимы.

8) Торговля и фабрики поселенцевъ не подлежатъ гильдейскимъ повинностямъ.

9) Внутренняя полиція въ поселеніи представляется чиновникомъ герцога.

10) Относительно уголовныхъ дѣлъ, общей безопасности и починки дорогъ, поселеніе подчиняется земской полиціи, которая однако дѣйствуетъ черезъ чиновниковъ поселенія.

11) Герцогу предоставляется казенное имѣніе Каменецъ-Подольской губерніи, въ Гайсинскомъ повѣтѣ, называемое Староство Гайсинское, на 24 года, съ платежомъ по 2.000 рублей серебромъ въ годъ, начиная срокъ владѣнія съ 1829 года.

12) Подлежащимъ пограничнымъ таможнямъ будетъ предписано о безошлинномъ пропускѣ отправленныхъ изъ Ангальта поселенцевъ, съ ихъ имуществомъ, скотомъ, орудіями, сѣменами и проч., за исключеніемъ однако товаровъ.

На пасхальной недѣлѣ, 8-го апрѣля, Беръ пріѣхалъ въ Кетенъ. Единственно, благодаря энергіи и разсудительности обоихъ герцогскихъ комиссаровъ, переговоры закончились для Ангальта весьма удовлетворительнымъ образомъ. Герцогъ Фердинандъ сумѣлъ оцѣнить это, назначивъ Беру и Альберту почетныя награды и денежные подарки, а Императоръ Россіи, съ своей стороны, пожаловалъ герцогскимъ комиссарамъ по перстню съ своей буквой; одновременно съ этимъ онъ утвердилъ фонъ-Кюстера ангальтскимъ агентомъ при русскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Приобрѣтенное герцогомъ Фердинандомъ Ангальтскимъ имѣніе находится на югѣ Россіи, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга степей, изъ которыхъ большая, называвшаяся раньше русскими „Чапли“, съ момента приобрѣтенія ангальтскимъ домомъ, стала называться „Асканія-Нова“ (въ Россіи она называлась также Ангальтъ-Кетеномъ или Ново-Кетеномъ), мень-

шая же, расположенная у моря, сохранила первоначальное русское или татарское названіе „Дофино“. Степи расположены на разстояніи 65 верстъ другъ отъ друга и соединены межъ собою почти совершенно прямою дорогою, идущею, между прочимъ, черезъ казенныя степи Чаплинка и Каланчакъ.

Земледѣліемъ можно заниматься лишь въ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ все владѣніе—сплошная степь, въ которой почти не встрѣчается ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни прудовъ. На этихъ обширныхъ пастбищахъ имѣются такъ называемыя „балки“, т. е. долины—низины, сохраняющія больше всего сырости и дающія даже въ самые бѣдные сѣномъ годы кормъ скоту. Большею частью онѣ очень мелки, и лишь „большая балка“, имѣющая діаметръ въ три версты, въ самой низкой своей части только на три фута ниже окружающаго ее берега. Въ степяхъ встрѣчаются также маленькія возвышенности или курганы, по всей вѣроятности, прежнія татарскія могилы или мѣста для караульныхъ...

Лѣсовъ не имѣется, лишь изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя деревья. Изъ-за глинистаго грунта, не пропускающаго сырость, нечего и думать объ облѣсеніи края въ большихъ размѣрахъ...

Изъ травъ чаще всего встрѣчается „тирса“—ковыль двухъ родовъ,—майскій и поздній. Вся растительность вообще скудная.

Климатъ степей крайне переменчивый. Послѣ продолжающейся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль знойной жары, цѣлыми недѣлями длятся суровые холода. Наибольшая жара наблюдалась до 1842 года въ Асканія-Нова $40,25^{\circ}$ R, сильнѣйшій морозъ — $24,25^{\circ}$ R. Полгода въ среднемъ 190 дней, въ степяхъ дуютъ восточный и сѣверо-восточный вѣтры, дѣлающіе жару болѣе выносимой, но увеличивающіе засуху. Вообще въ этихъ мѣстахъ влаги выпадаетъ въ три раза меньше, чѣмъ въ Берлинѣ или въ Петербургѣ; бывали годы, какъ, на примѣръ, въ 1832 и 1833 гг., въ которые не замѣчалось ни снѣга, ни дождя.

Согласно постановленію герцога Фердинанда, отъ 28 апрѣля 1838 года, вновь приобрѣтенное на югѣ Россіи имѣніе должно было управляться совершенно автономно. Для этой цѣли была образована въ Кетепѣ особая „администрація надъ таврическими владѣніями“, въ которой участвовали финансраты фонъ-Беръ и Альбертъ. Оба были совершенно независимы отъ дру-

гихъ присутственныхъ мѣстъ и лишь подвѣдомственны непосредственно самому герцогу. Мѣстное управленіе было названо „администрація таврическихъ владѣній“.

Нужно было еще образоватъ вспомогательный фондъ, для первоначальнаго основанія и обзаведенія колоніи. Для этой цѣли на таврическія владѣнія былъ переведенъ и внесенъ въ нихъ дебетъ тотъ пассивный капиталъ, въ суммѣ 54.500 талеровъ, который послѣ смерти княгини Ангальтъ - Цербстской долженъ былъ быть выплаченъ Россіи, но процентами съ котораго въ то время пользовалась княгиня фонъ-Вальдекъ. Кромѣ того для пополненія этого фонда, были предназначены доходы съ ангальтъ-кетенскихъ имѣній Гейтцъ и Росслау, которыхъ по расчету должно было хватить для комплектованія и отправленія транспортовъ овецъ. Казалось, финансовая сторона предпріятія была достаточно обезпечена на первое время.

Послѣ окончанія цѣлаго ряда судебныхъ формальностей, 27 іюля 1828 года, въ присутствіи симферопольскаго губернатора, состоялась въ Чаплинскихъ казармахъ торжественная передача степей.

Одной изъ главныхъ заботъ ангальтскаго правительства былъ вывозъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно большого количества овецъ въ новыя владѣнія. Въ Кетенѣ совершенно вѣрно признали, его предпріятіе лишь тогда разовьется какъ слѣдуетъ, и дастъ желанный доходъ, когда въ степяхъ имѣнія будетъ находиться въ достаточномъ количествѣ хорошее племя овечьихъ породъ, что можетъ обезпечить скорое размноженіе овечьихъ стадъ.

Тогда же было рѣшено отправлять въ таврическое владѣніе, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, ежегодно, по одному транспорту племенныхъ овецъ, въ сопровожденіи колонистовъ, которые тамъ поселятся.

На приготовленія къ переселенію тратилось много времени. Лишь въ концѣ лѣта первый транспортъ отправился въ путь изъ Кетена. „Ангальтъ-Кетенская“ газета пишетъ: „11 августа с. г. мы видѣли рѣдкое для мѣстныхъ жителей зрѣлище; первый главный караванъ, состоящій изъ 3.000 овецъ, отправился въ новыя владѣнія его свѣтлости герцога Ангальтскаго въ южной Россіи. Многочисленная толпа собралась по этому поводу, присутствовали также ихъ свѣтлости герцогъ и герцогиня. Въ виду того, что такіе транспорты овецъ будутъ уходить ежегодно, страна наша можетъ разсчитывать на значительную прибыль...“

Вторая экспедиція выступила въ послѣдней половинѣ іюля 1829 года.

Третій и послѣдній основной транспортъ вышелъ изъ Кетена тринадцатаго іюля 1830 года, подъ предводительствомъ агрономнаго комиссара Пихта. Между прочимъ ангальтское правительство послало съ этимъ транспортомъ сортировщика шерсти, который долженъ былъ тщательно разсортировать стада въ Гайсингѣ и въ степи, и въ каждомъ мѣстѣ составить племенные стада. Транспортъ по прошлогоднему пути прибылъ въ степь тридцатаго сентября безъ значительныхъ потерь.

Такимъ образомъ въ концѣ 1830 года имѣлось въ степи около восьми тысячъ головъ племенныхъ овецъ. Задача администраціи состояла въ разведеніи изъ этого основного племени большихъ стадъ, а также въ правильномъ направленіи культуры всей колоніи.

Въ 1828 году въ южно-русской степи, недавно приобрѣтенной Ангальтъ-Кетенскимъ домомъ, не было еще никакого населенія; единственными обитателями ея являлись нѣсколько стражниковъ, жившихъ въ такъ называемой казенной квартирѣ...

Администраторъ Брауманъ, прибывшій въ нарождавшуюся колонію въ іюлѣ того же года, тотчасъ началъ работы по воздѣлыванію полей и по постройкѣ помѣщеній для людей и скота. Первое время строенія возводились съ глинобитными стѣнами и изъ глины, но потомъ этому матеріалу стали предпочитать фахверкъ, въ соединеніи съ известью и камнями.

Пастбище въ Асканія-Нова само по себѣ было очень хорошее, но въ виду того, что, согласно условію, нельзя было держать крѣпостныхъ,—приходилось въ большомъ количествѣ нанимать чужихъ рабочихъ, на содержаніе которыхъ тратилось довольно много денегъ, и такимъ образомъ сѣно все-таки обходилось очень дорого.

Большую частью зимы бывали умѣренныя, такъ что стада кормились сѣномъ всего въ теченіе нѣсколькихъ дней, но бывали годы, когда овецъ загоняли въ хлѣва и на болѣе продолжительное время, дней на 27 и даже на 45. Въ общемъ овцеводство постепенно развивалось и крѣпло. Овцы были разсортированы по тонкости шерсти и подѣлены на классы. Для того, чтобы выгоднѣе сбывать шерсть, въ которой, кромѣ тонкости, цѣнилась еще и чистота, приходилось какъ-нибудь мыть овецъ. Въ степной мѣстности воды было мало, и стада гоняли ку-

паться къ Днѣпру, который протекалъ въ 100 миляхъ отъ Асканіи-Нова.

Шерсть сбывали, главнымъ образомъ, въ Москву и Одессу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—также на нѣмецкіе и англійскіе рынки.

23 августа 1830 года умеръ герцогъ Фердинандъ—основатель и покровитель молодой колоніи. На престолъ вступилъ его братъ, Генрихъ, принявъ на себя также и заботу о таврическомъ владѣніи. Для завѣдыванія этимъ имѣніемъ, онъ образовалъ особое учрежденіе, въ которомъ между прочими засѣдали, съ правомъ голоса, и тайные финансаты—фонъ-Беръ и фонъ-Альбертъ.

Герцогъ обѣщалъ навѣститъ колонію въ будущемъ, 1831 г.

Между тѣмъ дѣла въ Асканіи-Нова были далеко не въ блестящемъ состояніи. Съ одной стороны господствовалъ полный беспорядокъ, обусловленный постоянной враждой старшихъ чиновниковъ и неповиновеніемъ младшихъ, съ другой—колонія требовала большихъ затратъ и не давала никакихъ доходовъ. Тогда рѣшено было отправить лѣтомъ 1831 года ревизію для подробнаго разслѣдованія положенія вещей въ Кетенскихъ владѣніяхъ. Ревизія эта однако принуждена была вернуться, не достигнувъ цѣли, такъ какъ въ Россіи въ то время свирѣпствовала холера, и переходъ черезъ границу былъ запрещенъ.

Лѣто 1832 года выдалось очень сухое, вслѣдствіе чего урожай хлѣба былъ неудачный; вообще, нужно сказать, что климатическія и геологическія условія молодой колоніи были настолько неблагоприятны, что не могло быть и рѣчи объ успѣшномъ развитіи земледѣлія.

Весною 1832 года ревизія вторично отправилась въ Таврическую губернію. Первое впечатлѣніе отъ деревни, съ ея правильными строеніями и плодовыми садами было хорошее. Стада размножались въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшему процвѣтанію колоніи мѣшали, повидимому, больше всего раздоры чиновниковъ. Результатомъ разслѣдованія явилась смѣна управляющаго, которымъ теперь былъ назначенъ Тетцманъ.

До сихъ поръ Кетенскія владѣнія въ южной Россіи не имѣли еще оффиціального наименованія, и только теперь, согласно данному приказу, ревизоръ Беръ назвалъ главное селеніе—*Ascania Nova* (Новая Асканія). „Такъ какъ это владѣніе, по волѣ пріобрѣтателя должно вѣчно оставаться за Ангальтскимъ Домомъ,—писалъ домой начальникъ ревизіи,—то мнѣ

кажется умѣстнымъ напомнить о правахъ на потерянный вслѣдствіе насилія чудный участокъ земли, вмѣсто котораго остался лишь пустой титулъ ¹⁾, который едва-ли когда-либо пріобрѣтетъ реальное значеніе... Остальные участки земли (подъ ними подразумѣвались нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ) будутъ достойнымъ образомъ названы, получивъ имена царствующей герцогской четы, которой колонія обязана своимъ процвѣтаніемъ и существованіемъ, а также умершихъ герцога и герцогини, основателей колоній⁴. Онъ ихъ назвалъ: Фердинандовкой, Юліановкой, Генриково и Августово.

Въ срединѣ іюня, послѣ приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ, Беръ отправился въ Петербургъ для веденія переговоровъ съ Русскимъ Дворомъ относительно уступки Ангальтъ-Кетену, для дальнѣйшаго усовершенствованія колоніи, аллодіального капитала въ 360.500 талеровъ, который Россія должна была получить отъ Ангальскаго герцогства, какъ наследственную часть Екатерины II. Когда переговоры приняли благоприятный для герцога оборотъ, Беръ отправился моремъ домой, и въ срединѣ сентября прибылъ въ Кетенъ.

Новому управляющему умѣніемъ Тетцману было передано при его вступленіи въ должность—15.004 головъ овецъ, 48 головъ рогатаго скота и 82 лошади. Уже вскорѣ послѣ его назначенія, всѣ отрасли хозяйства колоніи стали замѣтно подниматься. Обративъ особенное вниманіе на винодѣліе, приносящее въ Крыму большіе доходы, Тетцманъ исходилъ болѣе 5.000 виноградныхъ лозъ, обѣщавшихъ дать хорошіе результаты (какъ выяснилось впослѣдствіи, виноградъ даже не созрѣлъ).

При первомъ же своемъ близкомъ знакомствѣ съ овцеводствомъ, управляющій высказалъ мысль о необходимости сдѣлать животнымъ прививку оспы; этотъ проектъ однако не встрѣтилъ сочувствія въ Кетенѣ, и только послѣ 1833 г., когда появилась сильная эпидемія оспы, стали прибѣгать къ прививкѣ, благодаря которой удалось спасти большую часть животныхъ.

Несмотря на сильную засуху и полный неурожай хлѣбовъ, колонія въ концѣ 1833 года производила самое благоприятное впечатлѣніе. Были построены приличныя жилища для тридцати нѣмецкихъ семействъ, залъ для богослуженій, школа, водо-

¹⁾ Въ 1830 году ангальтскіе князья приняли титулъ „графы Асканіи“.

подъемная машина, снабжавшая всю деревню водою изъ колодца, глубиною въ 10 сажень, большой кирпичеобжигательный заводъ и еще много различныхъ болѣе мелкихъ сооруженийъ.

Наконецъ, въ 1834 году, первый разъ за все время существованія колоніи, былъ высланъ въ Кетенъ чистый доходъ, въ размѣрѣ 10.000 талеровъ, полученный почти исключительно съ овцеводства. Теперь овецъ было уже около 24.000 головъ, которыхъ Тетцманъ подраздѣлялъ по качеству шерсти на пять классовъ; это давало поводъ думать, что выгода отъ продажи шерсти съ каждымъ годомъ будетъ повышаться.

Однако надежды на дальнѣйшее блестящее развитіе хозяйства не осуществились. До 1840 года колонія аккуратно высылала на родину нѣкоторый капиталъ, но онъ далеко не соответствовалъ тѣмъ затратамъ, которыхъ требовало имѣніе. Тетцманъ въ это время писалъ: „Если такъ будетъ продолжаться, то имѣніе не оправдаетъ затраченныхъ на него денегъ; я сокращу расходы, насколько возможно“...

Въ 1835 году русскій Императоръ постановилъ вернуть Ангальтъ-Кетену наследственный капиталъ въ 163.500 талеровъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ былъ использованъ на нужды колоніи.

Императоръ писалъ: „Я дѣйствительно желалъ, чтобы аллодіальный капиталъ Ангальтъ-Цербста былъ употребленъ согласно желанію вашей свѣтлости, и я былъ радъ доказать вашей свѣтлости, какъ я цѣню полезную дѣятельность этой колоніи на югѣ Россіи, и попеченіе, которое вы о ней имѣете“.

Это письмо очень обрадовало герцога, и онъ сталъ снова надѣяться на улучшеніе финансоваго положенія Асканіи-Нова.

Между тѣмъ, отчеты Тетцмана становились все запутаннѣе и неблагопріятнѣе; наконецъ лѣтомъ 1842 года прибыла въ Асканію-Нова ревизія, которая обнаружила большія злоупотребленія со стороны управляющаго: число овецъ значительно уменьшилось и между ними не было ни одного взрослога барана, такъ какъ Тетцманъ все продавалъ.. Покупатели конечно всегда выбирали лучшихъ первоклассныхъ овецъ, а для разведенія оставались лишь плохія. Земледѣліе было запущено, конноводство велось безъ всякаго знанія дѣла. Отчетность кассы находилась въ невѣроятномъ безпорядкѣ.

Всѣ сосѣди единодушно выражали свое порицаніе управленію имѣніемъ, говоря: „Дурная слава всего хозяйства Асканіи-Нова составляетъ предметъ всеобщей насмѣшки, такъ какъ

степь всегда управлялась самымъ ужаснымъ образомъ“. Всѣ были того мнѣнія, что герцогъ Ангальтскій долженъ обладать несмѣтными богатствами, если оставляетъ безъ вниманія эту запущенность хозяйства имѣнія. Вскорѣ стали ходить слухи о продажѣ колоніи.

Въ 1845 году началось разведеніе чундукскихъ овецъ, которыя выносливѣе испанскихъ, и даютъ больше чистой прибыли. Но и этотъ опытъ не увѣнчался успѣхомъ. Въ октябрѣ 1846 года главные чиновники Асканіи-Нова посѣтили первую выставку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Симферополѣ. Образцы шерсти, выставленные колоніей, вслѣдствіе своей выровненности, тонкости и хорошаго свойства, получили похвалу.

Герцогскому имѣнію была присуждена большая серебряная медаль.

Двадцать третьяго ноября 1847 года умеръ герцогъ Генрихъ; съ его смертью прекратился родъ герцоговъ Ангальтъ-Кетенскихъ, который такъ интересовался основанной имъ колоніей и всячески поддерживалъ ее. Было ясно, что теперь дальнѣйшее существованіе Асканіи-Нова будетъ лишь вопросомъ времени.

Согласно завѣщанію покойнаго герцога Фердинанда, колонія перешла въ собственность герцога Ангальтъ-Дессаускаго. Ангальтъ-Бернбургскому дому должна была быть выплачена наличными деньгами половина стоимости земли колоніи.

Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій съ большой неохотой вступилъ во владѣніе Асканіей-Нова и, ознакомившись ближе съ ея хозяйствомъ, которое въ то время было ниже всякой критики, въ 1849 году началъ вести переговоры о продажѣ, съ помѣщикомъ и обладателемъ стадъ въ Елисаветполѣ—Фейномъ, прадедомъ нынѣшняго владѣльца Асканіи, Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Эти переговоры велись съ перерывами (во время турецкой войны 1854 г.), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Наконецъ, 26 августа 1856 года купчая была подписана обѣими сторонами. Содержаніе ея, въ главныхъ пунктахъ было слѣдующее:

1. Герцогскія таврическія владѣнія продаются цѣликомъ за 525.000 талеровъ серебромъ, въ такомъ видѣ, какъ они перешли въ пользованіе герцога Фридриха Ангальтъ-Кетенскаго, согласно указу Его Величества Императора Николая I, отъ 3 марта 1828 года...

Встрѣча табуна лошадей прибывшаго съ нагайцами въ Дессау въ 1857 году прусскимъ королемъ
Вильгельмомъ I и герцогомъ Дессаускимъ.

2. Правительство обязуется, тотчасъ же послѣ высочайшаго соизволенія на продажу имѣнія, отдать администраціи Асканія-Нова распоряженіе, чтобы изъ имѣющагося инвентаря и изъ запасовъ ничего больше не продавалось...

3. Дѣйствительные герцогскіе чиновники, пастухи и служащіе не могутъ быть принуждаемы оставаться на службѣ у покупателя...

4. Изъ проданнаго Фейну табуна въ Асканіи-Нова двѣсти лошадей исключаются и предоставляются въ распоряженіе герцога Леопольда Фридриха.

О томъ, какъ этотъ табунъ лошадей шелъ изъ далекихъ южно-русскихъ степей въ герцогства Ангальтское, и какъ наконецъ прибылъ въ Дессау, очень интересно рассказываетъ г-нъ Böhm, которому была поручена доставка животныхъ.

Онъ говоритъ слѣдующее: „Въ октябрѣ 1857 года, по всѣмъ городамъ и селамъ — отъ Weichsel до Эльбы господствовало чрезвычайное оживленіе. Растянувшись длинной нитью, шелъ по дорогѣ большой табунъ лошадей, охраняемый дикими на видъ всадниками, верхомъ на быстрыхъ коняхъ. Люди отовсюду сбѣгались большими толпами, чтобы посмотрѣть на это странное зрѣлище; старики набожно крестились, старухи крѣпко прижимали къ себѣ внучатъ, какъ бы желая защитить ихъ отъ опасности. Въ памяти народа еще слишкомъ свѣжи были впечатлѣнія войны, когда во всей странѣ властвовали французы, и гнались за ослабѣвшими войсками, съ оружіемъ въ рукахъ... Но на этотъ разъ мирные поселяне ошиблись: по дорогѣ тихо подвигалось самое безобидное шествіе; незнакомцы ѣхали изъ далекаго Крыма Таврической губ., ѣхали для того, чтобы передать герцогу Ангальтскому послѣдній даръ его бывшей колоніи... Табунъ, состоявшій изъ жеребцовъ и кобылицъ, выступилъ изъ селенія Марьяновки, въ августѣ 1857 года, въ сопровожденіи пяти верховыхъ ногойцевъ и подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Всѣ вещи были отправлены впередъ, въ шести русскихъ телѣгахъ. Транспортъ, кромѣ двухсотъ лошадей табуна, заключалъ въ себѣ еще пятнадцать жеребятъ, двѣнадцать верховыхъ лошадей и пятнадцать упряжныхъ.

Дорога шла черезъ Бреславль (на Днѣпрѣ), Вознесенскъ и Бердичевъ — на Варшаву. Въ большихъ польскихъ лѣсахъ кони постоянно разбѣгались въ разныя стороны, пугаясь волковъ и непривычнаго, жуткаго лѣснаго шума. Иногда на лошадей напалъ такой паническій страхъ, что ихъ ничѣмъ нельзя было удержать — онѣ какъ обезумѣвшія мчались впередъ, стараясь

вырваться изъ обступившаго ихъ лѣса, куда-нибудь въ степь, на просторъ... По ночамъ приходилось особенно строго слѣдить за животными, и татары неустанно, по очереди, обвѣзжали табунъ, на сколько возможно оберегая чуткій сонъ запуганныхъ степныхъ дикарей. Въ результатѣ всѣ кони сильно исхудали, въ особенности несчастные жеребята, которыхъ мы, спустя нѣкоторое время, порѣшили съѣсть... Не говоря уже про ногайцевъ, даже мнѣ мясо молодыхъ лошадей показалось очень вкуснымъ...

Отъ Варшавы нашъ транспортъ направился прямо на Позенъ; начиная съ прусской границы, караванъ все время сопровождали два конныхъ жандарма, смѣнявшіеся два раза въ день.

Передъ самымъ Дессау, куда мы прибыли только въ концѣ ноября, насъ вышли встрѣчать — прусскій король Вильгельмъ I и герцогъ Дессаусскій, съ наслѣднымъ принцемъ и свитой.

На большой площади, въ зоологическомъ саду, огороженномъ высокимъ заборомъ, я и подчиненные мнѣ ногайцы показывали свое искусство въ ловлѣ коней арканами... Герцогъ тутъ же выбралъ себѣ лично тридцать лошадей, а всѣ остальные — даже верховыя и упряжныя были проданы въ декабрѣ. Торги были окончены въ одинъ день, при чемъ худшая лошадь, которая съ трудомъ волочила ноги, пошла за 75 талеровъ; среднихъ по качеству продали по 400 талеровъ, а лучшаго коня — за 800 тал. Самый дорогой сѣрый жеребецъ вырвался изъ рукъ, когда его уводили и, перепрыгнувъ высокое желѣзное загражденіе, повисъ на шеѣ, зацѣпившись за острый зубецъ. Чтобы спасти его, пришлось сдѣлать надрѣзъ кожи который къ счастью не принесъ особаго вреда.

Другая лошадь, вырвавшись, убѣжала и переплыла Эльбу; она долго пропадала, и только на четвертый день была ружена въ лѣсу и поймана мною съ помощью ласо.

За нѣсколько дней до нашего поѣзда, герцогъ, желая сдѣлать мнѣ и моимъ спутникамъ удовольствіе, отправилъ насъ въ театръ, гдѣ мои ногайцы очень скоро уснули и проспали все представленіе.

Богато одаренные герцогомъ за услугу, мы вскорѣ снарядились въ далекій путь и направились въ родныя кочевья.

Въѣздъ табуна въ Дессау былъ въ свое время запечатлѣнъ придворнымъ художникомъ профессоромъ Otto Seelman'омъ, на полотнѣ, которое сейчасъ хранится въ герцогскомъ замкѣ. Великолѣпный фотографическій снимокъ съ этой картины (см.

иллюстрацію) имѣется въ рукахъ у нынѣшняго владѣльца Асканіи-Нова—Ф. Э. Фальцъ-Фейна.

Но вернемся къ исторіи:—Извѣстіе о продажѣ колоніи произвело въ Асканіи-Нова потрясающее впечатлѣніе — многіе плакали, и вопли ихъ не прекращались долгое время. Никто не ожидалъ такой быстрой переменъ.

Третьяго октября 1856 года состоялась передача колоніи Фейну. Онъ получилъ: 49.128 головъ овецъ, 297 ковъ, 640 лошадей и 549 головъ рогатаго скота. Герцогскіе служащіе, оставленные Фейномъ при имѣніи, частью пожелали вернуться къ себѣ въ Германію, частью остались въ той странѣ, которая сдѣлалась для нихъ второй родиной.

Итакъ Асканія-Нова перестала быть колоніей Ангальта...

П. Козловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

